

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

ТЮРКСКОЕ *idi* 'ГОСПОДИН',
НЕКОТОРЫЕ ЕГО РЕФЛЕКСЫ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ПАРАЛЛЕЛИ
В ДРУГИХ ЯЗЫКОВЫХ СЕМЬЯХ

Более пятидесяти лет назад В. Банг уже писал об «... именных основах, распространенных притяжательным суффиксом»,¹ которые выступают главным образом в терминах родства и названиях частей тела, но ни в коем случае не ограничиваются этой областью лексики.

Ниже речь пойдет об одном таком слове: древнетюркском *idi*, *idi*, *idä* 'господин, владетель' — и его формах, осложненных притяжательным суффиксом, которые встречаются, помимо упомянутых Бангом южно-сибирских языков (как, напр., в хакасских диалектах притяж. ф. 3 л. ед. ч. *ä-zī* при дальнейшем изменении: *ä-zī-m* — притяж. ф. 1 л. ед. ч., *ä-zī-ŋ* — притяж. ф. 2 л. ед. ч.), также в древне- и среднеосманском. Разнообразные развития, которые получило др.-тюрк. *idi* в ходе истории в отдельных тюркских языках, были приведены Бангом² и М. Рясяненом.³ Эти данные можно дополнить: др.- и ср.-осм. *is*, *issi* наряду с *us* (последнее есть у Рясянена), *yssu* и *ejä*, *ijä*, аз. (РО) *jäjä*, ног. *ije*, саг. (РО) *i*, из новых русских словарей тув. *ä*. Рясянен не упоминает отмеченных М. А. Кастреном форм: койб. *eä*, караг. *ē*.⁴ Указанные формы (*ä* и т. п.) в хакасском являются тувинизмами, заимствованными, в свою очередь, из алтайского (ойротского), так как древний инлаутный дентальный давал в хакасском *z*, а в тувинском *d* и лишь в алтайском *j* с последующим его выпадением и стяжением гласных. Направление заимствований должно бы иметь определенное значение для истории религии. Приведенная Кастреном койбальская форма *izä* 'хозяйка' была бы фонологически ожидаемым соответствием древне- и пратюркскому *idi*, *idi*, *idä*, но по семантическим соображениям правильно сопоставление Кастрена койб. *izä* с *id'ä* 'мать'.⁵ Семантически это поддерживается приведенными Кастреном синонимами кач. *inej*, койб., сойон. *enej*, по-видимому, вокативными формами от *inä*, *enä* 'мать', у Кастрена в койб. кондаковский говор 'сестра отца, жена стар-

шего брата и дяди'. Чувашские формы ёје (нет у Рясянена), ijë, î (нет у Апмарина) и ёјје '(злой) дух'⁶ выведены Рясяненом из казанско-татарского, откуда они были заимствованы также в марийский и в обско-угорские (Ряс. ЭС 169). В башк. ејä; ⁷ в кар. jäsi, притяж. ф. 3 л. ед. ч. jasi-si, выступает не только в говорах Луджа и Трок, но и в крымском говоре (РО III, 337). Рясянен вслед за казахским iä упоминает языки барабинцев, качинцев, койбальцев и кюериков; в казахском, впрочем, интересующее нас слово не двусложно, как может сначала показаться: оно состоит из долгого ä с протезой i; остается неясным, следует ли считать i протетическим также и в формах других перечисленных языков. Радлов дает ä для алт., телеут., леб., шор., саг., койб. и сойон., е для кач., для которого приведена также форма iä, а для саг. и койб., кроме того, форма î, что доказывает не совсем обычное богатство содержания в этой относительно небольшой, но весьма дифференцированной области южно-сибирско-тюркских языков.

В алтайских диалектах Баскаковым записаны формы куманд. ä⁸ и в диалекте Йыш-кижи (туба) тоже ä.⁹ В якутском 3 формы ičči, ičči и ičči,¹⁰ которые основываются на форме *iti-si, *idi-si, тоже с притяжательным суффиксом 3 л. ед. ч., полностью утратившим свою посессивную семантику. Данная форма очень древняя и была в употреблении раньше, чем общетюркский притяжательный суффикс -si был вытеснен и заменен в якутском суффиксом -ta/-tä. Во всяком случае следует предпочесть предположение о древнем притяжательном суффиксе, нежели о суффиксе имени деятеля -čči, принимая во внимание посессивные формы в других языках. Рясянен в качестве второго возможного объяснения (наряду с первым — из idi-si) приводит и такое — из äb-čči; последнее совершенно невозможно не только по фонетическим соображениям, но и фактически, так как äbčči там, где оно встречается, а именно в Южной Сибири, в виде äpši, äšpi и т. д. означает только 'домохозяйка': уйг., алт., телеут., леб. (РО) äpši в том же значении, коман. äpši (Грэнбек ерči) 'супруга', каз. ерši, шор. äpši (РО I, 923 и след.), койб., сойон., кач. ipt'i, караг. ерše, койб. ерт'i 'старшая жена',¹¹ хак. ipši 'женщина, жена'.¹² Третья якутская форма ičči представляется более редкой, она основана на диссимилиации -tč- > -tč-, что позволяет сделать вывод об альвеолярном качестве t. Диссимилиация этого типа встречается спорадически не только в якутском, но и вообще в алтайских языках, в частности, в тунгусских.¹³

В древних тюркских языках исследуемое слово выступает в следующих формах: в орх. idi (iđi), в уйг. так же наряду с idä/iđä (РО I, 1506 и след.); А. Габен в глоссарии к «Древнетюркской грамматике», помимо перечисленных форм, приводит без указания на источник довольно поздние, принадлежащие уже не только уйгурскому языковому периоду, формы i'ä, iä и igä с тем же знач.;¹⁴ в ДТС приведены ijä из Suv, igä из TT VII и USp,¹⁵ но нет iä и i'ä. У Махмуда Кашгарского есть форма idi, точно

так же, как в исламских текстах послеуйгурской предчагатайской эпохи, например, в «Нахджу-ль-Фарадис» eđä,¹⁶ iđi в «Нахджу-ль-Фарадис» и в «Хосров и Ширин» и др.;¹⁷ в туркестанском тефсире XII—XIII вв. есть формы iđi и idi, i (следует, пожалуй, читать ĭ) и более поздняя äjä; только в древнейшей форме iđi это слово имеет значение 'бог', в то время как прочие более поздние формы имеют общеизвестные значения 'господин, обладатель'.¹⁸ Приведенная Фазыловым в качестве неосновной форма iti из Мелиоранского (Ибн Муханна) и Малова (ПДП) объясняется особенностями уйгурской графики, в которой часто происходит замена букв *dalef* на *tau*. У Ибн Муханна (XIII—XIV вв.) iđi 'хозяин', а также 'бог'; этот текст дает иногда d вместо đ, как, например, в idiz 'высокий' = уйг. idiz, äđiz или еще id- 'послать' < *yđ-, что можно отнести за счет небрежности переписчика. Codex Sumanicus не знает этого слова и употребляет в этом значении чаще всего bej, ср. bejmiz tenri 'наш господин бог', 'Dominus Deus noster'.¹⁹

В османском с древнейших текстов встречаются две группы форм — одна без стяжений (контракций), в том числе и с посессивными суффиксами, другая со стяжением основы с посессивными формантами во вторичную основу. Во второй группе при этом происходят колебания в отношении палатальности — велярности. Формы первой группы — это äjä, ijä, встречаются в текстах XIV—XVI вв.²⁰ Формы второй группы встречаются чаще. Сюда относится в ед. ч. issi < *iji-si < *iđi-si (возможно, впрочем, иное объяснение: iđsi < idi-si благодаря ассимиляции согласных после исчезновения гласного среднего слога, без дальнейших промежуточных форм) и во мн. ч. isläri, откуда уже возникла форма ед. ч. is с переразложением суффикса (подробнее: Tar. Sözl. III, 2096—2101).

Преимущественное написание рассматриваемого слова с *сином* указывает на его палатальность, однако в числе производных встречаются и велярные формы: usuzluq и др. (Tar. Sözl. III, 2101—2103).

Уже выше можно было заметить то отвлеченное семантическое отличие разных форм, которое получило позднее в тюркском др.-тюркское iđi: так, в Тефс. iđi 'господин, обладатель, бог' более поздняя форма i, скорее ĭ, значит просто 'господин, обладатель' без такого абстрактного значения, как 'властелин, бог', в то время как äjä значит 'господин, обладатель, властелин', но не употребляется в значении 'бог', занимая как бы промежуточное положение (Тефс. 121 и след., 70 и след.). В османском это семантическое различие полностью исчезло уже в XV в.; так, например, в «Истории Ибн Кабира» (XVI в.) issi и äjä употребляются как синонимы (Tar. Sözl. III, 1579). Трудно объяснить, как возникли в османском параллельно велярные формы, но факт, что словари XIX—XX вв. дают предпочтительно us, usly и т. д. Определенную роль сыграла наметившаяся этимологическая не-

определенность слова ввиду исчезновения прототипа *idi*, что подчеркивается длительным сосуществованием этимологических дублетов *äjä/ijä* и *issi*, хотя бы и в качестве двух разных лексем. Можно предполагать также влияние омонима *yssy/issi* 'теплый, горячий' (< *yssy-γ/issi-g* от *yssy-/issi-* 'быть горячим, теплым'), этимология которого еще не ясна (Ряс. ЭС, 137 и след.). В тюркских языках в соседстве не только *š*, но и *s* можно наблюдать иногда колебание велярного/палатального качества; это колебание в юго-западных огузских языках связано с тенденцией девеляризации, распространяющейся с запада, хотя в случае с *is/us* возобладала обратная тенденция.

Тюркское *idi/ida* является общеалтайским этимоном, который к тому же имеет параллели за пределами алтайской семьи. Пародственным является монгольское *ežen* 'господин, властитель', которое объясняется ассимиляцией гласного второго слога в прото-монг. **adin*.²¹ Это общемонгольское слово было заимствовано в якутском *äžän, ažiän* 'важный, высокоуважаемый', и здесь оно обладает значением того же ранга, что и слово *xän* (Пек. 231); затем оно было заимствовано в маньчжурском *ežen*, где оно означает 'император'. В телеутском Радлов записал *Adän-Qän* 'китайский император' (РО I, 850), которое он, без сомнения, правильно выводил в соответствии с его значением из маньчж., монг. *ežen* (ср. также Ряс. ЭС, 36); остается только неясным появление *-d-* вместо *-ž-* — возможно, следует предположить здесь слуховую ошибку: *d* вместо *d'*. Иначе трудно объяснить монгольское слово в тюркских языках. В древнеосманском у Юнуса Эмре встречается *äžä* со значением 'управитель, великий, впереди идущий', а также 'глава (руководитель), вождь', 'глава дервишей' (Тар. Sözl. III, 1384). Это слово отсутствует в предшествующих томах *Tagama Sözlüğü*, как и среди более древней османской лексики; оно приводится у Стойервальда как «устаревшее и соответственно диалектное» в значении 'королева; пожилой человек, старик; старший брат'.²² В радловском словаре это слово указано только для османского 'старик, пожилой человек' (РО I, 865). Высокий стиль выражения у Юнуса Эмре мог бы натолкнуть на мысль о заимствовании этого слова из монгольского, если бы это же наблюдалось и в других тюркских языках, например в чагатайском, но мне кажется, что османское слово все же связано с обозначением какого-то родства или преклонного возраста людей, как, вероятно, орх., уйг. *äi* в значении 'что-то вроде пожилого родственника-мужчины' (ДТС, 162), а не женщины, как *äžä, äži* у Махмуда Кашгарского и в радловском словаре.

Тюркский этимон был заимствован в южносамодийский камасинский: *eje, äje* 'господин, хозяин дома; дьявол, дух'.²³ Либо это слово относительно рано проникло из тюркского в южносамодийский, сохранивший лишь скудные остатки, причем это произошло еще прежде, чем южносибирско-тюркские языки разделились на три, ныне обособленные группы, и древнетюркское *d*,

đ в этимоне еще не перешло в j, z или d, либо было заимствовано позднее из алтайского (уже после разделения на три группы) как в хакасские диалекты, так и в тувинские.

Данное монгольское слово проникло в тунгусские языки уже ко времени чжурчженской династии Цзинь (1115—1234) и выступает там в несколько необычной форме o-žan (~ ê-žän для *äžän или *äžän).²⁴ Затем это монгольское слово из южно-тунгусского, чжурчженского или маньчжурского, было заимствовано уже в другие тунгусские языки: нан. êžin 'господин, мужчина, глава семьи, царь, король', которое контаминировалось, как показывают гласный второго слога и значение 'мужчина' с исконно тунгусским словом êži 'хозяин дома, глава семьи, супруг'; в улчском монгольское заимствованное слово имеет значение 'господин, хозяин, властелин, царь' без контаминации значений с собственно тунгусским êdin 'супруг',²⁵ чему воспрепятствовала и большая, чем в нанайском, звуковая разница — звуки di не смягчились до ži/ži. Точно так же обстоит дело в эвенкийском, в котором монгольское заимствование êžēn значит 'господин, хозяин', а собственно тунгусское êdī все же 'супруг' (и отсюда же, конечно, 'глава семьи'); Василевич²⁶ и Цинциус²⁷ не обнаружили заимствованного характера слова êžēn, как показывают их сопоставления этого слова с собственно тунгусскими формами в других языках. Кастрен не отмечает во втором слоге долготы: *Urulga žžän*,²⁸ то же и Титов: *Kindigir, Bultogir, Nerča ežen, Imurčen ožen* 'хозяин вообще; лесной хозяин тайги'.²⁹ Долгота второго слога отчетливо выступает в параллельной якутской форме äžjän, которая находится в тесной связи с эвенкийской êžēn. Долгота, а отсюда и иное качество гласного или же вообще иное качество гласного могли послужить основанием для передачи второго слога в чжурчженской форме китайским žan 然.³⁰ Для среднекитайского Б. Карлгрен устанавливает чтение этого иероглифа ŋjän, а для древнекитайского *ŋjan.³¹ В японском этот иероглиф читается как zen и nen.³² Следует, пожалуй, установить, что и монг. *ežēn происходит из прамонгольского *edīn, с долготой гласного во втором слоге, как это совершенно отчетливо имеет место в северо-тунгусских примерах эвенк., эвен. êdī.

Собственно тунгусский прародственный этимон не был выведен А. Йоки³³ и не был замечен Рясененом (Ряс. ЭС, 169); этот этимон *edi(n) выступает в эвенк., эвен. в виде êdī, сол. êdi, негид. êdi, êdihī, нан. êži, улч. êdin; в уд. пока зафиксировано лишь êžē 'царь, дух-хозяин',³⁴ монгольское заимствование в орокском êdê 'хозяин, начальник, вождь' восходит к монгольской форме ežen, что опирается как на соображения семантики, так и на фонетические доводы: общетунгусское ž в орокском обычно представлено звуком d; как уже отмечено выше, в некоторых тунгусских языках выступают обе формы — собственно тунгусская и монгольское заимствование с пересечением семантики, как это вытекает из примеров Цинциус и Василевич.

В корейском, японском и рюкюском как будто нет родственных форм. Рамстедт посчитал монг. и маньчж. ežen происходящим из сино-корейского e-žjen (=ê-žjèn) 'королевское присутствие, перед королем, приближенный, правитель' и при этом правильно отделил его от собственно тунгусского, которое определил как «вероятно, идентичное тюркскому *idā, idi».³⁵ Йоки идет дальше и видит в первом компоненте корейского образования кит. (манда-ринское) waŋ 'властитель, король', а во втором — žën 'мужчина, человек'. Однако waŋ-žën 王人 в Юань-чао-би-ши, как и в чжурчженском словаре Грубе, является просто китайской передачей монг. ežen и чжурчж. o-žan.³⁶ Предполагаемый Рамстедтом корейский прототип не мог бы восходить к кит. waŋ-žen, поскольку, во-первых, сочетание -aŋ в кор. не переходит в ō или ê, а сохраняется (ср.: кор. waŋ, waŋ < кит. waŋ 'князь', кор. lā-jaŋ < кит. qā jaŋ, t'aj jaŋ 'великий океан') и, во-вторых, кит. žen представлено в кор. in, т. е. в целом кит. waŋ žen должно звучать в кор. как waŋ-in, но не как ê-žjen. И все же если считаться с возможностью того, что в основу формы, указанной Рамстедтом, положена какая-то иная, омонимичная или близкая по звучанию китайская форма или даже китайская транскрипция монгольского ežen, то и тогда тезис Рамстедта оказывается непрочен. Ряснен передал без изменений это положение, вот почему в его «Этимологическом словаре» сино-корейское слово приводится как исконно родственное.

В уральских языках рассматриваемый этимон имеется, по-видимому, лишь в архаических самодийских; Кастрен записал его в ненецком в формах jegu, jiegu, jerwu 'хозяин, господин, судья, вождь';³⁷ так, например, jid'iegu, jid'egu 'хозяин воды', т. е. 'дух-хозяин воды' от ji' 'вода' (в говоре конда wit).³⁸ Мне не известно, встречается ли еще это слово в самодийских или финно-угорских языках. Его нет у Коллиндера.³⁹ Из южносамодийских камасинский заимствовал из алтайского (ойротского) упоминавшуюся выше форму eje, äje.

То же, что и в самодийских языках, соответствие по ротацизму алтайскому интервокальному -d-/-ḏ- выступает в дравидийских языках, которые в этом отношении стоят ближе к уральским, нежели к алтайским: тамильское iḡai 'некто великий (напр., или отец, или гуру, или кто-то известный)', хозяин, глава, старший брат, супруг, король, верховное божество, верх, голова', iḡaijavaŋ 'глава, божество', iḡaijāp 'Шива', iḡaivaŋ 'божество, глава, хозяин, супруг, почтенный человек'; малаялам. iḡāp, gāp 'государь' (при обращении к князю), в языке каннада ege 'состояние бытия, хозяин или супруг, хозяин', egeja 'хозяин, король, супруг', в телугу ega 'сеньор' (Неллорская надпись 7—8 вв.), gēḍu 'король, сеньор, хозяин, супруг',⁴⁰ где семантическое соответствие с алтайскими и уральскими совершенно удовлетворительно. Согласно Цвелебилю, обще- и прадравидийскому t̥ (альвеолярному t) близок звук r (альвеолярный r).⁴¹

Помимо этих трех родственных друг с другом в далеком прошлом языковых семей — алтайской, уральской и дравидийской, выразительно обозначенных В. М. Илличем-Свитычем и его последователями как восточно-ностратические, нет явных следов интересующего нас этимона. И все же следует указать на латинское *ĕgus* в пределах западно-ностратических (индоевропейские, семито-хамитские и картвельские). Однако оно, по Вальде—Хофманну, является «архаическим словом неопределенного происхождения», и справедливо отклоняются различные попытки объяснять это слово из индоевропейского.⁴² Также неопределенно, хотя все же, вероятно, относится сюда же галльское *Ēsus*, *Aesus* 'Главное божество галлов'. Вот почему следует предположить, что латинское слово и, возможно, также галльское происходят, по-видимому, из какого-то доиндоевропейского субстрата, т. е. для латинского это скорее всего этрусский, а для галльского — один из родственных средиземноморских субстратных языков, таких как тирренский, лигурийский или протобаскский, что при нынешнем состоянии и незначительности успехов изучения доиндоевропейских языков Средиземноморья не может быть решено в скором будущем.

Кстати, немецкое *Heerr* 'господин' (с производными *herrschen*, *Herrschaft*, *herrlich* и т. д.) не имеет надежной этимологии. Как установили Клюге, Ширмер и Мицка, это слово в VIII—IX вв. ощущалось как компаратив к древневерхненемецкому и древнесаксонскому *hēr*, новеверхненем. *hehr*, этимологию которого они видели в общегерманском **haira-* 'серый' > индоевроп. **kojro-* / **kejro-* (> церковнослав. *ѣръ*),⁴³ однако указанное ощущение не может быть оценено иначе как пример народной этимологии. Уже в IX в. немецкое слово появляется в Англии в форме *hearra* и позднее в форме *hegga* в Скандинавии. Вероятно, и за этим словом скрывается доиндоевропейский этимон.

Таким образом, мы уже оказываемся за пределами западной границы ностратического. Однако за восточным краем этой огромной языковой семьи есть слово, которое определено относится сюда: нивх. *us*, восточно-сахалинский диалект *uzj* 'хозяин' во всех значениях, в особенности анимистическо-шаманистического характера, например *tol us* 'дух моря', *pal us* 'дух леса и гор', *la us* 'дух ветра', *t'uŋr us* 'дух огня' (к слову *t'uŋr* ср. тунг. *toŋ*, уральское финское *tuli*, самодийское *tu, tū, tuj*;⁴⁴ данное нивхское слово, по мнению Боуды, заимствовано из тунгусского,⁴⁵ что ввиду наличия в нивхском дериватов нуждается в дальнейшем обосновании), *tly us* 'дух неба'.⁴⁶ Большое значение для шаманистического представления огня и его духа, так же как и для жертвоприношений и поклонений духу огня, имеют технические термины с *t'uŋr*, *t'ūr*, восточно-сахалинское *t'uŋŋ*.⁴⁷ Боуда рассматривает нивхское *us* как заимствование из «монгольско-тюркского»⁴⁸ и приводит в качестве источника тюркское *es* 'господин, обладатель', которое нельзя рассматривать как общетюрк-

скую форму. Если нивхское слово заимствовано из тюркских языков, то тогда встает вопрос, из какого именно тюркского языка и когда? На последний вопрос нельзя ответить, так как отсутствуют исторические тексты на нивхском языке. Заимствование могло быть либо древним, тогда оно восходит к форме *idi*, *iđi*, *iđä*, либо оно было более поздним, — но едва ли слишком поздним, — и тогда в качестве единственного контактного языка из числа тюркских пришлось бы привлечь лишь весьма своеобразный якутский с его формами *itči*, *ičči*, *irči* < **iđi-si*, что с точки зрения фонетики едва ли может быть обосновано — разве только предположить такое же развитие (веляризация палатального слова), как в османск. *is/ys*. По-видимому, здесь устанавливается соответствие нивхского *s* древнетюркскому *đ*, как и в нивхском *jes* 'вещь, товар' (амурский диалект), которое Боуда ошибочно возводит к тюркскому *iš*, *eš*, *aš* 'дело, работа, занятие, вещь'.⁴⁹ Значение нивхского слова могло бы соотноситься с тюркским *yš*, *iš*, *iš*, но не с *eš*, *aš*, которое значит 'товарищ'. Если нивхское *jes* — заимствование из тюркских языков, оно должно восходить к совершенно иной тюркской форме: **äđ*, др.-тюрк., уйг. *äd*, *äđ*, койб. *es*, *sağ.*, койб. (PO) *es* 'товар, добро, ценная вещь', хак. *is* 'товар, богатство', койб., *sağ.* (PO) *is* в том же значении, пожалуй, еще шор. (PO) *äs* 'женский наряд'; у Рясянена (ЭС 35) этому слову соответствует статья 2. *äd*, однако по показаниям сибирских форм *ēs* и *iš* здесь можно восстановить долготу: **äđ*/**ēđ*. Упомянутое Рясяненом значение 'дубленая кожа' скорее относится к 1. **äđ*. Приводимое Рясяненом монгольское *eđ* является тюркским заимствованием, вероятно, из уйгурского. В обоих рассмотренных здесь нивхских словах наличествует, таким образом, *s* < тюрк. *đ*. Поскольку в словаре Пекарского отсутствует слово, эквивалентное тюркскому *äđ*/**äđ*, и поэтому, можно думать, его нет в якутском языке, проблема заимствования в данном случае решается гораздо труднее, чем со словом *ys* 'господин'. Но решение ее становится гораздо проще, если считать заимствование древним, ибо тогда в качестве контактной области следует предположительно считать верховье Амура, в котором наиболее западные нивхские племена соседствовали с наиболее восточными тюркскими, скорее всего уйгурскими, племенами, прежде чем тюрки отделились на запад, а тунгусы были отнесены в северо-восточную Маньчжурию.

Обе нивхские формы в фонетическом отношении напоминают енисейские формы: кетское *ēs*, мн. ч. *ēseŋ*, коттское *ēš*, мн. ч. *ēšän* 'небо, бог', *ēškan* 'русский царь'.⁵⁰ Учитывая коттскую форму, можно было бы восстанавливать *auslaŋt* в виде *-č*. Следовательно, здесь *-s* и *-š*/*-č* соответствуют алт. *-d*-, тюрк. *-d*/*-đ*-. Так как мне нечего больше прибавить к приведенному материалу ни из одного из пяти ныне известных енисейских языков, то вряд ли можно с достаточным основанием утверждать, что это слово в енисейских языках является алтайским и скорее тюрк-

ским заимствованием, и сказать что-либо определенное о времени этого предполагаемого заимствования. Данное сопоставление весьма ненадежно по семантическим соображениям, так как значение 'обладатель, господин', кажется, отсутствует, и ни в каких других языках не зафиксирована идентичность значения 'господин', т. е. 'дух-обладатель', и значения 'небо'.

В чукотско-камчатских языках обращает на себя внимание корякское (нымыланский диалект) *ətunvʉŋun* 'хозяин',⁵¹ которое в корневой части весьма напоминает алтайский этимон, однако материала для сравнения недостаточно, поэтому я не могу здесь высказать каких-либо предположений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ B a n g W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 4. — АРАУ, 1921, N 2.

² Там же, § 3, с. 5; здесь же дается ссылка на KSz XVIII, 6.

³ R ä s ä n e n M. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türk-sprachen. Helsinki, 1969 (далее в тексте: Ряс. ЭС), S. 169.

⁴ C a s t r é n M. A. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprach-lehre. SPb., 1857, S. 80.

⁵ Там же, с. 84.

⁶ А ш м а р и н Н. И. Словарь чувашского языка, вып. I—XVII. Ка-зань—Чебоксары, 1928—1950 (далее в тексте: Ашм), III, 84—87; IV, 97.

⁷ Башкирско-русский словарь. М., 1958, с. 677.

⁸ Б а с к а к о в Н. А. Диалект кумандинцев (Куманды-Кижи). Грам-матический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972, с. 276.

⁹ Б а с к а к о в Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и сло-варь. М., 1966, с. 171.

¹⁰ П е к а р с к и й Э. К. Словарь якутского языка, I—III. СПб.—Пг.—Л., 1907—1927 (далее в тексте: Пек.); см.: Пек., 987, 989 и след., 958 и след.

¹¹ C a s t r é n M. A. Versuch. . . , S. 84 и 81.

¹² Б а с к а к о в Н. А., И н к и ж е к о в а - Г р е к у л А. И. Ха-касско-русский словарь. М., 1953, с. 62.

¹³ Ц и н ц и у с В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, с. 229 и след.

¹⁴ G a b a i n A. Alttürkische Grammatik. 2 Aufl. Leipzig, 1950, S. 310.

¹⁵ ДТС, с. 204—205; там же на с. XXI и след. см. расшифровку услов-ных сокращенных обозначений памятников.

¹⁶ Ф а з ы л о в Э. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Т. I. Ташкент, 1966, с. 163 и след.

¹⁷ Там же, с. 410.

¹⁸ Б о р о в к о в А. К. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963 (далее в тексте: Тефс.), с. 122, 121, 70 и след.

¹⁹ G r ø n b e c h K. Komanisches Wörterbuch. København, 1942, S. 54.

²⁰ XIII. yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanan tanıklariyle tarama sözlüğü, I—IV. Ankara, 1963—1969 (далее в тексте: Tar. Sözl.), см.: Tar. Sözl., III, 1575.

²¹ P o r p e N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, т. I. Wiesbaden, 1960, S. 53, 105, 137, 157.

²² S t e u e r w a l d K. Türkisch-Deutsches Wörterbuch. 1972, S. 255.

²³ J o k i A. J. Lehnwörter des Sajansamojedischen. — MSFOu, 103, S. 125.

²⁴ G r u b e W. Die Sprache und Schrift der Jučen. Leipzig, 1896, S. 97.

- ²⁵ Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936, с. 121.
- ²⁶ Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 547.
- ²⁷ Цинциус В. И. Сравн. фонетика. . . , с. 289 и 331.
- ²⁸ Castren M. A. Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre nebst Kurzem Wörterverzeichnis. SPb., 1856, S. 73.
- ²⁹ Титов Е. И. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926, с. 112.
- ³⁰ Grube W. Die Sprache und Schrift. . . , NN 331, 792.
- ³¹ Karlgren B. Grammatika serica, script and phonetics of Chinese and Sino-Japanese. Stockholm, 1940, N 217.
- ³² Лейферт А. А. Словарь наиболее употребительных в современном японском языке иероглифов. М.—Л., 1935, с. 120, № 1300.
- ³³ Joki A. Lehnwörter. . . , S. 125.
- ³⁴ Шнейдер Е. Р. Краткий удэйско-русский словарь. М.—Л., 1936, с. 31; см. также: Цинциус, Сравнит. фонетика. . . , с. 289, 331.
- ³⁵ Ramstedt G. J. Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949, p. 57.
- ³⁶ Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niuca Tobca'an. Leipzig, 1939, S. 42; Grube W. Die Sprache und Schrift. . . , NN 331, 792.
- ³⁷ Castren M. A. Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen. SPb., 1855, S. 13, 255.
- ³⁸ Там же, с. 38.
- ³⁹ Collinder B. Fenno-ugric vocabulary. An etymological dictionary of the uralic languages. Stockholm, 1955.
- ⁴⁰ Burrow T. and Eneanu M. B. A Dravidian Etymological Dictionary. Oxford, 1961, N 448.
- ⁴¹ Zvelebil K. Comparative Dravidian Phonology. Haag—Paris, 1970, p. 94; см. особенно § 1.23.1 о развитии *ɾ* в тамильском, малайлам, каннада, тогда, телугу и гонди < прадравидийского *t.
- ⁴² Walde A.—Hofmann J. B. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1930, B. I, S. 419.
- ⁴³ Kluge F., Schirmer A. und Mitzka W. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 17 Auflage. Berlin, 1957, S. 305, 296.
- ⁴⁴ Castren M. A. Wörterverzeichnisse. . . , S. 220; Collinder B. Fenno-ugric. . . , S. 63.
- ⁴⁵ Bouda K. Die Verwandtschaftsverhältnisse des Ostjakischen. — Antropos, LV (1960), p. 402, N 53.
- ⁴⁶ Савельева В. Н. и Таксами Ч. М. Нивхско-русский словарь. М., 1970, с. 466.
- ⁴⁷ Там же, с. 384.
- ⁴⁸ Bouda K. Die Verwandtschaftsverhältnisse. . . , S. 406, № 137.
- ⁴⁹ Там же, № 136; Савельева В. Н. и Таксами Ч. М. Нивхско-русский словарь, с. 80.
- ⁵⁰ Castren M. A. Wörterverzeichnisse. . . , S. 160, 200.
- ⁵¹ Жукова А. Н. Русско-корякский словарь. М., 1967, с. 619.

Перевод с немецкого И. В. Кормушина